

УДК 930.2 + 27-58

**«ХОЖДЕНИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ»
МОСКОВСКОГО СВЯЩЕННИКА ИОАННА ЛУКЬЯНОВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ КАТОЛИЧЕСТВА
РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ НАЧАЛА XVIII ВЕКА**

А.Н. Андреев

В ходе анализа сочинения малоизвестного старообрядческого писателя рубежа XVII–XVIII вв. Иоанна Лукьянова определено его отношение к католичеству в связи с критикой им греческого православия. Выяснено, что «Хождение в Святую землю» Лукьянова выражало обострившуюся в период Петровских реформ антипатию староверов к западному христианству и продолжало традицию смешения католичества, униатства, никонианства и восточного православия в единую «нечестивую», «латинскую» веру. «Хождение» квалифицируется как значимый источник по истории межконфессиональных отношений раннего Нового времени.

Ключевые слова: Иоанн Лукьянов, старообрядчество, католичество, межконфессиональные отношения, Россия Петровской эпохи.

Среди источников личного происхождения эпохи раннего Нового времени, демонстрирующих отношение православных русских людей к католической религиозной традиции и ее представителям, «Хождение Лукьянова» – одно из самых ярких и информативных повествований. Впервые полностью оно было опубликовано П.И. Бартеневым – сначала отдельным оттиском, а затем в журнале «Русский архив» за 1863 г. [1; 2] Впоследствии историки выявили различные списки данного произведения, установили три его редакции, которые были тщательно изучены и недавно изданы с подробными комментариями [3]. Напечатанный в «Русском архиве» вариант текста представляет собой третью, самую пространную редакцию памятника и издан по рукописи, приобретенной в 1853 г. собирателем древностей С.А. Соболевским (в 1867 г. рукопись была им подарена Императорской Публичной библиотеке и ныне хранится в РНБ в фонде «Общее собрание рукописных книг» [4]). Преимущественно ссылки на памятник здесь даются в этой редакции, обращение же к другим вариантам произведения не вносит каких-либо уточнений в смысл приводимых цитат, отличающихся лишь синтаксически.

Автор «Хождения в Святую землю», священник Иоанн Лукьянов, происходил из рода калужских купцов. В 1699–1701 гг. он служил в московской церкви святителя Николая Чудотворца (с главным престолом во имя Покрова Пресвятой Богородицы, отсюда – второе название церкви), «что

за Смоленскими воротами на Песках» [5, с. 126]. Историками литературы этот московский священник признан самобытным и даровитым писателем, ярким представителем русского демократического барокко [6, с. 414]. Еще в период своего служения у «Николы на Песках» Лукьянов тайно исповедовал старообрядчество в форме поповщины и предпринял поездку на православный Восток с целью выяснить возможности поставления «благочестивых» епископов от восточных владык [6, с. 397]. В декабре 1701 г. Лукьянов отправился в паломничество вместе со своими спутниками и единомышленниками – монахами Лукой, Григорием и Адрианом, но в ходе поездки выяснил бесперспективность церковного сотрудничества с восточными патриархами и возвратился в Россию весной 1703 г. (ныне доказано, что П.И. Бартенев неверно датировал описанные в «Хождении» события 1710–1711 гг. [6, с. 409]). Считается, что Лукьянов из паломничества в Москву так и не вернулся, а из украинского города Нежина, описанием которого завершается его рассказ, отбыл на Ветку, где стал одним из лидеров поповщинского движения [6, с. 401]. В ветковских скитах, предположительно в 1703–1705 гг., Иоанн Лукьянов и создал свое произведение, в котором подверг резкой критике духовно-нравственное состояние православных греков, а также их церковные обычаи и религиозные практики, признанные им «еретическими», замутненными римско-католическим и турецко-мусульманским влиянием. О дальнейшей его судьбе мало сведений, известно лишь, что после паломнической поездки иерей Иоанн проповедовал учение дьяконовщины (одного из направлений в поповщине) на Ветке, в Калуге и Волоколамске, а также в Брынских лесах, и умер до 1720 г. [6, с. 395, 402]. Сведения об активной миссионерской деятельности Лукьянова на Ветке позволили в конце XIX в. отождествить его со знаменитым ветковским проповедником и писателем старцем Леонтием – гипотезу об их тождественности выдвинул историк старообрядчества М.И. Лилеев. Несмотря на то, что эта гипотеза сразу вызвала полемику в ученых кругах, до недавнего времени в старце Леонтии продолжали видеть Лукьянова [5, с. 126–128]. Лишь несколько лет назад авторитетные исследователи убедительно доказали, что старец Леонтий Ветковский и Иоанн Лукьянов – разные лица [6, с. 401–402].

В самом конце XVII столетия, в связи с обозначившимися переменами в политике правящей элиты, в России значительно обострилось религиозно-политическое противостояние великорусской и украинской церковно-богословских традиций [7, с. 23–33]. Украинское православие в «Московии» к тому времени давно воспринималось как поврежденное римским влиянием и нередко вызывало негативную реакцию образованных людей. Поскольку путь Лукьянова и его товарищей в Иерусалим лежал через Киев, московский священник, откликаясь на актуальную тогда проблему чистоты малороссийского православия, не преминул подчеркнуть «латин-

ский» колорит украинской церкви. Критика им католичества и католического культурного влияния начинается с описания порядков, царивших в киевских храмах. Так, описывая Софию Киевскую, он отметил, что в ней нет икон, фрески местный митрополит-«нехай» велел замазать известью, поют у него все «органистая, еще пуще органов», а сам киевский владыка «старехонек миленькой, а охоч до органистова пения» [2, с. 40]. Имелось в виду многоголосое (партесное) пение, ассоциировавшееся у ревнителей старины с органной музыкой. Вообще орган для староверов выступал одним из символов «нечестивой папешской» веры, и любовь к нему (как и к партесному пению) становилась признаком «впавших в римскую прелесть» никониан [8, с. 101]. Зная, насколько предвзято относились сторонники древлеправославия к подобным новинкам в церковном обиходе, можно было бы предположить, что Лукьянов намеренно преувеличивал степень католического влияния на киевлян. Однако приходится констатировать, что автор, впадая в сатирический тон и высмеивая престарелого митрополита, не слишком погрешил против истины – разнообразные источники говорят нам о действительном, а не мнимом влиянии католических традиций в Киеве [9, с. 536–539]. Неслучайно русский философ, известный государственный и культурный деятель XVIII в. Г.Н. Теплов, долгое время живший на Украине, утверждал, что «малороссиянцы в церковных обрядах весьма много сходства имеют с католиками, при крещении обливаются, на преждеосвященных обеднях, как выходят с переносом, все люди ниц падают, звонят у них в колокольчик, когда священник в алтарь войдет и проч.» [10, с. 39]. Под митрополитом-«нехаем» Лукьянов имел в виду Варлаама Ясинского, занимавшего киевскую кафедру с 1690 по 1707 г., который еще в бытность свою архимандритом Киево-Печерской лавры водил дружбу с главным покровителем католичества в России Патриком Гордоном [11, с. 19–20, 26, 78, 85]. Киево-Могиланская коллегия при архимандрите Варлааме настолько оказалась близкой по своим образовательным программам к польским коллегиям, что в ней становилось возможным обучение даже детей католиков (например, в ней учился Григорий Ронаэр, брат жены Патрика Гордона [11, с. 25, 275]).

Тем не менее, критикуя Ясинского за его увлеченность «органистическим» пением, сам автор «Хождения» признавал большую силу католической церковной музыки и богатство звучания органа, весьма прельстительное для верующих, а потому, по его убеждению, и опасное. Однажды в Иерусалимском храме Гроба Господня католики, желая продемонстрировать величие своей богослужебной культуры, специально для православных заиграли на органе, и Лукьянов испытал настоящее потрясение: «когда в те органы заиграли французы, тогда никто удержаться не мог, чтоб тех органов не слушать: зело у собак льстиво и сладко играют; и тем игранием многих во Иерусалиме отвратили от греческой веры к себе в папешскую»

[2, с. 311]. Такое двойственное отношение ревнителя древнего благочестия к органной музыке предвосхищает будущее взаимодействие европейской и старообрядческой культур в сфере искусства, не раз наблюдавшееся в XVIII столетии.

Идейно Иоанн Лукьянов направлял свое сочинение против греков, впавших, по его мнению, в ересь и потому утративших авторитет в церковных делах. Критикуя порядки, царившие в Константинопольской и Иерусалимской церквях, он повторял традиционную для Руси со времен игумена Филофея мысль о падении «второго Рима», об уклонении греков в «римскую ересь» и последовавшей за то каре Господней в виде османского порабощения. Он явно осуждает греческие обычаи: Николу Вешнего в Царьграде не празднуют, крест у греков на просфоре – четвероконечный, крещаются они поливательно, в домах часто не имеют икон, сотрудничают с папой [2, с. 148–149]. Как правило, старообрядческие писатели, выражая свое отношение к православным грекам и никонианам, часто косвенно критиковали католичество и униатство, «впадение» в которые и определяли в их глазах суть официального православия [8, с. 99–101]. Лукьянов же, постоянно сталкивавшийся в ходе поездок с католиками, критиковал Римскую церковь непосредственно: «Грекам книги печатают в Венеции, так они по ним и поют; а Венеция папешская, а папа главный враг христианской вере; как у них быть благочестию?» [2, с. 150] («Венеция папешская, и папа – головной враг христианской вере» [12, с. 171]). Крайне негативное отношение выражал Лукьянов к мальтийским рыцарям, которых видел у города Иоппии (Яффы): «разбойники Малтиского острова немцы, люты злодеи», «собаки малтизы», – бранит их сочинитель и подчеркивает, что сам папа Римский благословляет мальтийцев на разбой [2, с. 243]. Служивших у Гроба Господня католиков, обозначаемых термином «франки», Лукьянов называет «ворами», лишь нарицающимися христианами: «французы-латыня» лишь «сказываются христиане, а вера их проклятая еретическая» [2, с. 257, 314]. Московский старообрядец вообще часто отождествляет «папешцев» именно с французами (церковь «французская сиречь папешская» [2, с. 245–246]), причем в его представлении греческое духовенство все-таки менее еретичествует по сравнению с римлянами, т.е. «франками»: подлинные еретики для него – это «армяне, французы и прочих ересей» [2, с. 344].

Для убеждения читателя в правоте своих антикатолических и антиниконианских взглядов Иоанн Лукьянов использует традиционное для средневекового мышления доказательство «от чуда» – правда, при этом описывает события, участником которых являлся он сам. Так, «чудо» исцеления одержимого, произошедшее в Иоппии в ходе проведенного Лукьяновым экзорцистского опыта, должно убедить нас в отсутствии благодати и даже пагубности двусоставного («латинского») креста. Лукьянов вместе с това-

рищами целую ночь «возился», по собственному его выражению, с одним местным монахом, который был одержим нечистой силой. Бесноватого осеяли трехчастным православным крестом, а он требовал латинского двусоставного: «Был у нас крест московского литья медный; так тем крестом все его ограждали; а дьявол-от в нем кричит: студено-де, ознобили де меня; указывает на полку ко иконам; вон де ставрос деревянный, тем де меня ограждайте, а этим де ознобили меня. А тот крест не по подобию написан, двоечастный, а не троечастный; так дьяволу то хочется, чтоб его тем крестом ограждал, ему уж-то легче от того» [2, с. 387–388]. Таким образом Лукьянов обнаружил традиционное для старообрядцев неприятие «четверокопечного латынского креста», сложившееся под влиянием «Бесед» протопопа Аввакума [13, с. 109].

Сочинение Иоанна Лукьянова выражало обострившуюся в период Петровских реформ антипатию староверов к западному христианству, продолжая традицию смешения католичества, униатства, никонианства и восточного православия в единую «нечестивую» («латинскую») веру. Автор «Хождения» не внес новых идей в концепцию неприятия старообрядцами «латинских новин», продолжая идущую из глубины XVII столетия критику поливательного крещения и двусоставного креста. Вместе с тем Лукьянов продемонстрировал свое отношение не к абстрактному «католичеству», трактуемому сугубо теоретически в качестве источника ересей всех отпавших от «правоверия» христиан, а к католичеству реальному, с культовой практикой которого он столкнулся на Святой Земле. Этим и определяется значимость «Хождения» в качестве источника по истории межконфессиональных связей.

Библиографический список

1. Путешествие в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1710–1711. – М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. языков, 1862. – 104 с.
2. Путешествие в Святую землю священника Лукьянова 1711 г. // Русский архив. – 1863. – Вып. 1. – Стб. 21–64; Вып. 2. – Стб. 113–159; Вып. 3. – Стб. 223–264; Вып. 4. – Стб. 305–344; Вып. 5/6. – Стб. 385–416.
3. Ольшевская, Л.А. Археографический обзор списков и редакций «Хождения в Святую землю» / Л.А. Ольшевская, А.А. Решетова, С.Н. Травников // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703. – М.: Наука, 2008. – С. 483–533.
4. РНБ. Ф. 560. F.IV. № 319.
5. Ольшевская, Л.А. Лукьянов Иоанн / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Русские писатели, XVIII век: Библиографический словарь / сост. С.А. Джанумов. – М.: Просвещение, 2002. – С. 126–128.
6. Ольшевская, Л.А. Житие и хождение Иоанна Лукьянова / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703. – М.: Наука, 2008. – С. 395–481.

7. Живов, В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы / В.М. Живов. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 360 с.
8. Андреев, А.Н. Западноевропейские вероисповедания и русские старообрядцы в XVIII в. / А.Н. Андреев // Вопросы истории. – 2010. – № 5. – С. 98–109.
9. Андреев, А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук / А.Н. Андреев. – Челябинск: ЮУрГУ, 2011. – 713 с.
10. Порошин, С.А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича / С.А. Порошин // Русский Гамлет / С.А. Порошин, А.Б. Куракин, Великий князь Павел Петрович. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2004. – С. 9–372.
11. Гордон, П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон; пер. и примеч. Д.Г. Федосова. – М.: Наука, 2009. – 339 с.
12. Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / под ред. А. Демина. – М.: Наука, 2008. – 686 с.
13. Аввакум, протопоп. Из «Книги бесед» / Аввакум // Житие протопопа Аввакума. – М.: Эксмо, 2011. – С. 103–137.